

а.мекка
ПУСТОТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Витальевич Мекка

Пустота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48474292

SelfPub; 2019

Аннотация

Одинокий путник становится добычей в бескрайних просторах вечной зимы. Ему удастся вырваться, но куда бежать? Зачем бежать? Ведь вокруг лишь абсолютно белая холодная пустота. Содержит нецензурную брань.

Когда я проснулся, огонь уже погас. Печная створка скрипела на сквозняке, вывалив на коврик снег, который успел скопиться за ночь.

Пальцы окоченели.

Не чувствую.

Дышу на них.

Бью ими по застывшим коленям.

Дрожу, стараясь удержать внутри остатки тепла.

Кожа чешется и скрепит. Слезы и сопли обратились жесткой коркой, облепив все лицо. Вгрызаюсь в нее и сдираю грязными уже сломанными ногтями. Глаза начинаю видеть унылую ничтожность. Неуклюжесть домика, в котором мы поселились.

Марк переворачивается и блюет прямо с дивана. Рвота льется из него, точно ржавая вода из кухонного крана.

Смотрю и не могу оторваться.

Заворожённо.

Пока тошнота не застает меня врасплох.

Пока запах давно испорченных, но уже переваренных продуктов не забирается ко мне внутрь.

Пока соленая пленка не застилает глазные яблоки.

Только тогда я отворачиваюсь, стараясь дышать носом.

Чувствую, как бурая жидкость пожирает пластиковые ножки и уголок выцветшего половика. Серые полосы становятся коричневыми. Неприятными. Мерзкими. Похожими на бугристое, покрытое пятнами, лицо Марка.

Он перевернулся на другой бок и сухо кашляет во вздувшиеся пузыри краски на стене.

Простуженно.

Так, словно пух забрался ему в глотку.

Будто его легкие – здоровые и розовые – еще не умирают от двухстороннего воспаления.

– Марк ... – Я тяну его имя, будто выдираю его из себя клещами. – Марк!

Затих.

Затих и не отзывается.

Уснул наверное.

Ледяная корка на снежном покрове напоминает свежий асфальт. Блестит и веет опасностью, словно осколки пивной бутылки, выброшенной из окна. Осколки режут голые ступни, когда я пробираюсь во двор, чтобы набрать дров. Руки не слушаются. Чешутся.

Выдрав очередное полено из горсти кусков мертвого дерева, я чувствую тепло. Оно оживляет меня. Бодрит и заворачивает. Не хочется двигаться. Хочется продолжать наслаждаться им, но это лишь иллюзия преждевременного провидения. Благословения. Лживого и мутноглазого.

Красные капли становятся розовыми, смешиваясь со снежной массой.

Это не благословение.

Лишь немного крови, что еще не успела окоченеть и превратиться в хрусталь.

Грязная тряпка быстро и заботливо стряхивает с ладоней капельки жизни, а ноги говорят, что нужно спешить. Нельзя медлить. Нельзя останавливаться, ведь ступни уже начинают чернеть.

Марк не двигается. Не шевелится. Не говорит и не кашляет. Не дышит. Тормошу его тело и бью, надеясь запихнуть все то живое, что вытекло и выветрилось из него, будто из проколотого воздушного шарика, обратно в гниющее тело.

Уже воняет, пусть температура в доме не поднялась и до пяти градусов.

Что-то застыло в нем. Что-то доброе. По-настоящему человеческое. Его естество не поддалось холоду этих мест. Не исказилось под вой голодных волков, уходящих из заснеженной долины. Не почернело от яркого света холодного солнца.

Оставляю его наедине с этим естеством и стягиваю ботинки с окоченевшей костлявости. Шерсть внутри них сваялась, пропитавшись желтым гноем натертых мозолей и почерневших отростков. Пальцы отваливаются подобно ветвям высохшего дерева, оставляя на руках темные блестящие, похожие на уголь, осколки, которые я брезгливо стряхиваю, стараясь не вдохнуть. Надеюсь, что пышное гангреновое дерево не распустит свои длинные ветви в моих легких.

– Ты же не против, приятель?

Он не против. Наверняка не против. Будь он против – сказал бы мне.

Но не говорит.

Пока я брезгливо сметаю его отколовшиеся пальцы куда-то под кровать.

Мне нужно двигаться.

Двигаться, чтобы жить.

Нужда заставляет меня пошевеливаться.

Заставляет меня надеяться на что-то лучшее.

Поэтому я старательно натягиваю чужую обувь. Кутаю свое, покрытое фурункулами, тело в сальный тулуп и стараюсь держаться молодцом. Стараюсь пересилить свое желание покрасоваться перед разбитым и покрытым инеем зеркалом, которое расскажет всю правду обо мне. Покажет это несуразное тело, прикрытое рваньём. Это блестящее, исполосованное капиллярами лицо, украшенное железными глазами и кривой щербатой улыбкой.

Погружаюсь в это отражение, обрамленное снежной коркой, и сам не замечаю, как уже бреду по заснеженной долине. Снег поглощает меня без остатка. В этом голодном рту исчезают мои ноги. Вязнут в белоснежной толщи, не в силах нащупать твёрдую почку, пока руки цепляются за редкие обмороженные ветви местных кустарников.

Вокруг пустота. Абсолютно белая. Столь жутка. Бескрайняя. Подобная космосу или раю, а быть может и аду, который так холоден и близок.

Грустный вой ветра напоминает о чем-то потерянном. Забытом на скамейке в парке неподалеку от центрального вокзала. Это «что-то» маячит где-то впереди. Скрытое обиль-

ным снегопадом – его пушистыми воздушными хлопьями и грузными когтистыми лапами редких елей, до которых мне повезло добраться. Оно веет нашей встречей.

Нашей с Марком.

Он пригласил меня сюда.

Пригласил в эту обитель, где никто бы не услышал моих криков.

А я кричал.

Так громко, что порой и сам переставал себя слышать.

Ему это нравилось. Извращенное желание продолжать мучить меня. Приносило наслаждение.

Избивать, медленно отрезая кусочки. Насиловать и снова резать, пока это не становилось веселой игрой.

Пока мне не начинало это нравиться.

Так хочется спать.

Лечь под одно из этих могучих деревьев и закрыть глаза, медленно сливаясь с холодным снегом. Становясь его плотью. Выражением его сущности, что поглотит меня, отдав в приют промерзшей земли.

Пульсирующие усики корневой системы впитают сок моего иссыхающего тела, и колючие ветви наполнятся энергией того, что было забыто.

Оленья голова тупо смотрит прямо в глаза. Безропотно и бестолково. Так смотрят таксидермические волки в музеях естествознания или испуганные дети, что толпятся в очередях. Разорванные жилы напоминают канделябры, украшен-

ные кусками разодранной шкуры. Кровь давно застыла, не успев пропитать сухую кору мертвого дерева.

Что ты смотришь?

На ветвистых рогах скопились снежные шапки, а в черных глазах застыло мое отражение. Такое несуразное. Будто бы пропущенное через сотню световых фильтров и кривых зеркал. Перевернутое и плавно сливающееся с тонкими прожилками инея и красными подтеками, что спустились к носу и полуоткрытому рту.

Хочешь что-то сказать?

Молчит.

Он мне уже все сказал.

Шум больше не пугает. Это деревья шумят. Лишь деревья, что нависают над моей головой подобно жестоким великанам. Подобно исполинам, подпирающим небо. Смотрят на меня свысока. Считают ничтожеством. Я и есть ничтожество. Я блоха, потерявшаяся в степном краю – обители древних, которые слишком велики, чтобы меня заметить.

Небо так высоко и полно мелких кусочков льда. Оно сыпет мне на голову игольчатым дождем. Он режет кожу и оседает на ресницах, которые становятся тяжелыми. Подобными оленьей голове, которая тянется за мной, словно машинка на веревочке. Могучие рога зарываются в снег, а бурая короткая шерсть седеет от всепоглощающей белизны. Голова – мой друг. Мой лучший друг, который всегда будет рядом со мной. Марк тоже был моим другом. Близким другом.

Голова – отражение меня самого, ведь черные раскосые глаза видели куда больше, чем способно было познать тело.

Мои глаза не видели ничего.

Мое тело устало и измотано.

Мои жилы подобны заледеневшим канатам, которые трещат и лопаются, когда я подтягиваю голову и смотрю прямо в эти испуганные глаза. Испуганные, а от того мертвые. Страх застрял в ноздрях этого животного, а после покинул их через слезы пока нечто другое, нечто куда более сильное рвало его тело.

Кости я нашел за много километров от головы. Розовый снег успел сильно побледнеть, неумело скрывая чуть белесые косточки. Немного шкуры еще осталось на могучих сильных ребрах, но грудина была пуста, больше напоминая собой птичью клетку, которую давно покинули все птицы. Вырвались и улетели прочь, прихватив с собой все, чем жил этот зверь. Сердце, печень, почки, легкие. Все, что он мог слушать холодными одинокими ночами. Все, чем он мог дышать, удирая от погони. Все это лишь мясо, гниющее в брюхе чудовища, что бродит где-то рядом.

Мне хочется подобраться к нему поближе. Хочется взглянуть на него хотя бы одним глазком. Втянуть носом запах, который источает его натура.

Он должен быть недалеко, раз оставил голову на пне. Это предупреждение. Своеобразный незримый бетонный забор, который лучше не пытаться перелезть. Оторванная голова

лучше всего показывает намерения хозяина леса. Существа, которое настолько старо, одиноко и устало, что даже дикие звери, голодно бродящие неподалеку, являются для него не более чем назойливыми соседями.

Голоса птиц затихли. Ветер стал тише и спокойнее, а снег мирно осел на деревьях вокруг. Теперь я могу слышать и видеть. Могу чують то, что лежит впереди. Могу сам стать зверем, раз уж здесь больше никого нет. Никого кроме них. Несчастных и убогих, забредших в этот край с наветренной стороны. Их куртки пахнут водоотталкивающей пропиткой, а руки черным порошком.

Они не видят меня.

Слепые и глухие недотепы.

Устроились на сломанном дереве, глумясь над трупом лисицы. У нее женственный взгляд. Даже на перекошенной гримасе боли и отчаяния ее глаза остаются женственно теплыми.

Неумехи.

Огромная рваная рана почти отсекла переднюю часть туловища от задней, раздробив ребра и разметав внутренние органы тонким слоем по пушистому снегу.

Они не заберут ее с собой.

Не съедят и не снимут шкуру.

Оставят.

Здесь.

Ждать весны.

Когда лес сам будет в состоянии поглотить ее.

Уходят.

Тяжело.

Снег скрипит под ногами.

Они и не поняли, как это началось. Не успели понять. Не смогли закричать. Что-то застряло в их промерзших глотках, когда я вышел на свет. Теневая преграда, выстроенная лестной чашей, больше не удерживала меня. Не удерживала то, что успело поселиться внутри моей сущности, когда я хватал и рвал их конечности, крепко вгрызаясь зубами в лица, неспешно и аккуратно высасывая глаза, когда они переставали дергаться.

Они видели этот лес.

Видели дорогу к нему.

Теперь ее вижу и я, ведь все ценное, все самое важное и сокровенное, что было у них перешло ко мне, став той незримой и необходимой толикой сознания, запрятанной где-то в глубине.

Их тела я уложил рядом с трупом лисицы, а головы забрал с собой. Теперь они мои.

Они напоминают мне голову, которой я украсил вход нашего скромного жилища, когда уходил. Ему не было больно. Не было страшно. Он ничего не почувствовал, когда я резал сухожилия и загонял лезвие тупого ножа промеж скольких позвонков. Все было предначертано. Участь вершится кем-то близким и родным. Похожим.

Я взял в руки судьбу Марка. Чахоточную и замерзшую. Приютил и обогрел, а затем предсказал и привел в исполнение то, что было predetermined. Не высшими силами и не древним разумом в кругу червивых стен. Только мной и моим рассудком. Моими руками... украшенными кровью руками... натруженными. Усталыми. Эти руки омывают мое лицо, соскабливая засохшую плоть вместе с все еще живой кожей. Щупают истощенную грудь, слушая сердце. Оно стучит. Панически. словно мечтая о побеге, когда я забираюсь все глубже в чашу. словно вор в чужом доме, я делаю осторожные шаги на притоптанном снегу, всматриваясь в белые скулы и пустые глазницы звериных черепов. Они служат предупреждением тем, кто осмеливается забраться так далеко от своего дома.

Скальная пещера, окутанная ледяной коркой, встречает меня зловонным холодком.

Отчего-то становится легко и спокойно.

Швыряю скромную трехглавую поклажу прямо к порогу и кричу. Что-то невнятное. Неосознаваемое даже мной самим. Ответ не заставляет себя ждать слишком долго.

Я хочу, чтобы он взял их себе и признал меня. Признал равным себе. Сделал меня таким же. носителем чужой участи. Но ему этого мало.

Необходимо показать мне.

Необходимо, чтобы я увидел собственными глазами, как солнечный свет становится ничтожной блеклостью

Как чувство страха начинает гудеть в коленях, врезаясь осколками в грудину и подбородок.

Необходимо, чтобы я почувствовал, как чужая рука ложится на горло и давит.

Давит.

Давит.

Пока снег не обернется травой.

Пока солнце не обернется луной.

Пока участь не обернется судьбой.